

НА ПУТИ К ОБЩЕЙ ТЕОРИИ ЖУРНАЛИСТИКИ: МЕТОДОЛОГИЧЕСКАЯ МАТРИЦА¹

А. Л. Дмитриевский

Орловский государственный университет им. И. С. Тургенева

Поступила в редакцию 5 ноября 2020 г.

Аннотация: в статье изложены итоги длительного исследования методологического поля науки о журналистике и представлено описание полученной в результате «матрицы методов медиаисследования» (системы методов исследования журналистики). Объектом проведенного исследования выступила методология научного поиска, а предметом исследования стала совокупность методов исследования журналистики как целостная (континуальная) система. В качестве методологической базы применялись системный, триалектический, понятийно-категориальный подходы в рамках обусловившей их выбор философско-антропологической парадигмы.

Ключевые слова: экзистенциальная теория журналистики, философско-антропологический подход, матрица методов медиаисследования, система методов исследования журналистики, информационно-полевая парадигма, категориальный метод, теория журналистики, публицистика, методология научного исследования, медиа.

Abstract: in this article, the author presents his own matrix of media research methods (system of methods for the study of journalism), which is the results of comprehensive research in the field of «research methods of journalism». The object of the research was the methodology of scientific research, and the subject of the research was a set of methods of journalism research as an integral (continual) system. As a methodological base, a systematic, trialectic, conceptual and categorical approaches were used within the framework of their philosophical and anthropological paradigm.

Keywords: existential theory of journalism, philosophical and anthropological approach, matrix of media research methods, system of journalism research methods, information and field paradigm, categorical method, theory of journalism, publicism, methodology of scientific research, media.

В результате более чем десятилетнего изучения «литературы вопроса» (первое издание учебно-методологического пособия «Исследование в журналистике» разработано в 2010 г. [1], последнее, «Методика медиаисследования» (3-е изд.), — в 2018 г. в Орле [2]; концепция ЭТЖ была опубликована в журнале «Знак: проблемное поле медиаобразования» в 2012–2013 гг. [3; 4] гг. и журнале «Челябинский гуманитарий» в 2015 г. в Челябинске [5]), оказалось возможным выделить шесть достаточно самостоятельных уровней иерархии общеметодологической матрицы. Самым простым стало обоснование первых трех — традиционных для науки о журналистике позиций: уровней прикладных и эмпирических исследований, а также частно-теоретического уровня. Они традиционно выделяются социологией журналистики, и требовалось всего лишь их оттенить, подчеркнуть, акцентировать.

1. УРОВЕНЬ ПРИКЛАДНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Как и любая другая профессиональная деятельность, наука использует для достижения заплани-

рованных целей специальные технологии, приемы и методы. Суть научного исследования заключается в том, чтобы постепенно («методично») углубляться в сущность предмета, применяя наиболее подходящие для этого способы. Сущность предмета — это определяющая его система закономерностей, устойчивых свойств и отношений (как внутренних, так и внешних), которая подлежит пониманию и описанию в итоговом тексте исследования (реферате, статье, разделе, монографии и т.д.).

Уровень прикладных исследований (первый этап столкновения исследователя с эмпирией, непосредственным миром «предметов познания») предполагает формирование устойчивой познавательной интенции, поскольку «ученый сталкивается с внешним обликом и эмпирическими проявлениями — «ВИДИМОСТЬЮ» явления, которым он занимается. Так называемый «здравый смысл», обыденное рассудочное суждение, давая в простых случаях порой верные, хотя и поверхностные решения, при стремлении углубиться в сущность чаще всего дает «сбой» [6, 59]. Именно поэтому в науке огромное внимание уделяется разработке технологий и алгоритмов, в том числе доисследовательского этапа познавательной деятельности, формирующих у будущего

¹ Окончание. Начало в № 1 (2021 г.).

ученого, к примеру, компетенцию «способность к самостоятельной разработке концепции научного исследования».

Впрочем, до того момента, когда из массива избыточной, с нечеткими контурами информации об интересующей субъекта области будет выделен онтологический факт, относительно которого позже будут определены проблема, гипотеза, объект, предмет, цель и методология научной работы, исследователь «сталкивается с «житейским», непосредственно-эмпирическим проявлением сущности. Это — *эмпирическая конкретность*, чувственно-конкретное, дающее исследователю представление о реально-жизненных формах изучаемого предмета, «наборе» внешне очевидных черт, свойств, качеств, полученных из самых разных источников. В них сущность «затемнена» различными ее деформациями, случайными чертами, «дурным знанием наследием», «забеганием вперед», «иллюзиями» действующих сил и т.д.» [6, 60].

Выражаясь более сложным научным языком, на прикладном уровне происходит первичная систематизация знаний, то есть перевод чувственно-конкретных наблюдений в опытное (репрезентативное) звено теоретических построений — научные факты: эмпирическую реальность, отображенную информационными средствами (текстами, формулами, фотографиями, видеопленками и т.п.). По классификации А. А. Тертычного, это уровень «эмпирического познания в журналистике» [7].

Соответственно, основной инструментарий здесь — определяемые конкретными методиками и процедурами приемы, средства и способы исследовательской деятельности: наблюдение, описание, сравнение, измерение, эксперимент, глубокое (и обычное — в журналистике) интервью, беседа, опрос, работа с документами — в особенности изучение «литературы вопроса». Эту группу методов можно обозначить как качественные, поскольку их суть — «в изучении *индивидуальных объектов* из всех трех областей получения эмпирических данных [*личное наблюдение; опрос участников; анализ документов* — А. Д.], в ходе которого происходит *феноменологический* (греч. *phainomenon* — особое и необычное явление) анализ этих конкретных «социальных объектов». <...> Феноменологический анализ — это своего рода case study, исследование случая, отдельного явления, состояния, поступка, мотива. Характерность явления и, соответственно, мера научной значимости проявится позднее, в ходе исследования» [6, 107].

Кроме того, к данному же уровню, как правило, относятся методы, конструируемые для конкретного исследования или эксперимента, обусловленные их уникальностью (постановка «мысленного опыта на себе» в эссеистике), либо единичностью («ситуативностью»: например, «метод смены профессии», «метод маски» и другие профессиональные журналистские приемы поиска и сбора данных; в какой-то

степени — социальные эксперименты-провокации: розыгрыши, пранки).

Обобщая, можно сказать, что методика исследования на данном уровне носит выраженный «организационный» (и в какой-то мере шаблонный) характер и жестко определяет то, где, какие и в каком порядке конкретные приемы и средства применять.

2. УРОВЕНЬ ЭМПИРИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ («дискурсивной эвристики» по классификации Е. П. Прохорова; «теоретического познания в журналистике» по А. А. Тертычному) представляет собой более масштабный план охвата действительности. В данном случае речь идет о предварительной разработке плана и программы *количественного* исследования (например, социального, либо психологического эксперимента, опроса), обусловленных конкретным методом из арсенала избранной теории. Своеобразие данной методологии — в изучении более или менее значимой совокупности явлений, результатом чего становится количественная характеристика, которая далее конкретизируется и детализируется в системе категорий (греч. *kategoria* — признак) исследования.

Иными словами, если прикладные исследования направлены, скорее, на реализацию уже имеющихся знаний, решение проблем (содержат в себе сильный управленческий и нормативный компоненты), то эмпирические (ориентируясь так же на практическую деятельность) отчасти реализуют поисковую, эвристическую функцию: направлены на получение нового знания через описание актуальных или выявление скрытых проблем. Их суть — применение к практике уже имеющегося научного знания и хорошо разработанного инструментария. Такие исследования, как правило, хорошо алгоритмизированы и технологичны («социологичны»). Их явный плюс в том, что предмет берется непосредственно — в условиях его естественного бытования. Минусы — в том, что исследователю доступны не все аспекты бытия предмета, зачастую теряется беспристрастность и объективность, часты ошибки в интерпретации результатов и другие aberrации (искажения: например, некорректно сформулированный в социальном исследовании вопрос может дать «на выходе» совершенно неадекватные реалиям результаты).

Кроме эвристических и категориальных практик, в эмпирических исследованиях широкое применение находят дискурсивные и формально-логические средства и инструкции. Кроме того, одним из важных компонентов на уровне эмпирического познания выступает интуиция (дополняемая, по мере необходимости, воображением и фантазией). Эвристическая интуиция, или «криптогноз» (греч. *kriptos* — тайное, скрытое + *gnosis* — знание), представляет собой «результат перевода подготовленной на рациональном этапе работы мысли в сферу бессознательного, подсознательного, когда исследователь осознает затруд-

нения и неудовлетворенность, попадает в ситуацию скептического «самонедовольства» и как будто «бросает» думать над проблемой. Однако сохраняющийся «фон» рационального и эмоционального напряжения мысли стимулирует работу подсознания» [6, 71].

Обобщая, можно сказать, что основной «механизм психо-логики» эмпирического исследования — в автоматическом и постоянном взаимодействии (взаимопроникновении) в сознании ученого дискурсивных и интуитивных средств осмысления конкретных фактов действительности: понятийно-логических (методико-процедурных), с одной стороны, и образно-метафорических (философских, творческих), с другой. Если выразиться более привычным формальным языком, то речь идет о спиральной триаде «анализ — абстрагирование — синтез» («процедура — размышление — инсайт (открытие)»).

Основные методы эмпирического исследования — общетеоретические: анализ-синтез, индукция-дедукция, абстрагирование-обобщение, аналогия-моделирование, история предмета-классификация. Из детально разработанных наиболее часто используются такие, как понятийно-категориальный метод, метод контент-анализа, метод схем (графопостроения), классификация, формально-описательный и многие другие. Суть же их сводится к составлению такой категориальной динамической модели предмета, которая бы выражала его активное качество, указывала на сущность и обладала эвристическим потенциалом для дальнейших — более масштабных — интерпретаций.

3. ЧАСТНО-ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ УРОВЕНЬ

По факту — «потолок» медиаисследований. Почему?

Задача эмпирических исследований применить к обнаруженной проблеме конкретный, хорошо разработанный метод и решить ее, получив в результате новое, единичное знание. Эти «единичные», полученные на практике прикладные и эмпирические результаты используются далее частными дисциплинарными теориями конкретных наук. Например, если речь вести о социометрии журналистики, то это будут политология и филология, указанные в паспорте специальности, так сказать, как «курирующие» ее, а далее — социология, психология, философия, история, менеджмент и реклама («экономика»), аксиология и культурология, педагогика, этика и множество других. Действительно, работа исследователя журналистики — движение по очень сложной «траектории»: «В общем виде это движение от явления к сущности, от эмпирических данных к концепции» [6, 102].

Концепция (от лат. *conceptio* — схватывание, понимание) представляет собой «взгляд на ту или иную проблему, включающий в себя ее четкую формулировку, понимание и объяснение» [8, 410] (ср.: «системное представление о сущности предмета изуче-

ния, объединенное единым замыслом и, желательно, дающее полную его характеристику» [6, 158]). Если прикладной уровень методологии требует от исследователя владения шаблонными навыками применения методологических приемов и процедур (выпускнику-бакалавру достаточно владеть способами описания и решения прикладных проблем), эмпирический — знаний в той или иной научной области и владения конкретным методом (магистру достаточно умения применять к проблемной ситуации научный инструментарий и найти новые варианты ее решения), то на уровне частно-теоретическом от исследователя ожидается способность к самостоятельным теоретическим поискам и построениям, синтезу знаний (системности), креативности. Фактически аспирант должен совершить «малое» научное открытие, внести весомый вклад в научно-теоретическое или практическое развитие той или иной отрасли.

С точки зрения общенаучной методологии — создать (разработать) теорию.

И здесь обнаруживается первый подводный камень: заметная направленность медиаисследований на практику, прикладные профессиональные проблемы (что можно обозначить как «позитивистский ригоризм»), в «лучшем» же случае — на непосредственную журналистскую деятельность (своего рода «деятельностный априоризм»). И хотя формально (например, при чтении списков защищенных по нашей специальности диссертаций) все выглядит вполне убедительно, но нормальным такое положение дел видится только, возможно, «эмпиристам» или «социологам», но никак не «теоретикам» журналистики.

Энциклопедическое определение теории (как формы организации научного знания) звучит так: «1. Мысленная (понятийно-дискурсивная) модель реальности (в отличие от чувственно-перцептивной модели реальности). 2. Идеализованно-логическая модель эмпирического опыта. 3. Любой продукт идеальной деятельности человека (в отличие от продуктов его предметно-практической, материальной деятельности)» [8, 555]. То есть подчеркивается, во-первых, ее «идеальный» характер (в отличие от «чувственной», «эмпирической», «вещной» реальностей): «чистая сущность», «идеальный объект» не могут быть получены путем простой абстрагирующей деятельности мышления с результатами эмпирического познания.

Второй момент: в любой теории подчеркивается ее структурно-понятийная четкость, доказательность положений («дискурсивность», «логика», «модель»). Научная теория представляет собой логически взаимосвязанную систему понятий и утверждений о свойствах, отношениях и законах некоторого множества идеализированных объектов. Главная ее цель — «введение таких базовых идеальных объектов и утверждений об их свойствах и отношениях (законов, принципов), чтобы затем чисто логически

(т.е. мысленно) вывести (построить) из них максимально большое количество следствий, которые при подборе определенной эмпирической интерпретации максимально адекватно соответствовали бы наблюдаемым данным о некоторой реальной области объектов (природных, социальных, экспериментально созданных, психических и т.д.)» [8, 458].

То есть: 1. Теории описывают те или иные идеальные объекты реальности. 2. На основе одного из них, либо их совокупности (некоторого необходимого для теории числа) и принципов их взаимоотношений строится идеальная модель исследуемой реальности. 3. Через полученную идеальную модель объясняют «устройство» и «состояние» исследуемой реальности. 4. С помощью следствий из теории прогнозируют тенденции развития исследуемой области и ее возможные преобразования.

В теории журналистики дело обстоит несколько иначе. Вновь обратимся к монографии «Исследуя журналистику» и двигаясь по цепочке «категория — понятие — термин», попробуем разобраться с пониманием слова «теория» в науке о журналистике (как минимум, у одного из ведущих теоретиков).

Под категорией будем понимать [9, 54] «предельно общее понятие, именующее класс предметов» (это ключевые слова, максимально репрезентирующие тему исследования и организующие осмысление объекта в форме категориальных схем), под понятием — «слово или словосочетание, именующее предмет или явление, отражающее представление о нем» (формируется в результате мыслительной операции, когда из множества по определенным признакам выделяются конкретные предметы), под термином — «слово или словосочетание, именующее понятие в какой-либо области науки, техники, искусства и прочих» (это развитие и детализация одного из понятий до уровня, когда его можно строго определить; особенно важно подчеркнуть, что новое понятие в научных работах, в частности в монографиях и диссертациях, как правило, дорабатывается до уровня термина).

Теория категориально трактуется в монографии как «система законов, дающая целостную характеристику сущности изучаемого явления через системное описание его структуры и функций, закономерных внутренних и внешних связей и зависимостей. Поэтому теория — не перечень доказанных положений или даже законов, а синтезирующее сведение их в концепции исследователя» [6, 163]. При этом ученый указывает, что «закон» и «закономерность» иногда рассматриваются как синонимы, а порой «закономерность» считается объективной системой свойств, а закон — субъективным пониманием ее людьми» [6, 163]. Получается, что теория выступает всего лишь субъективным взглядом исследователя на сущность изучаемой проблемной ситуации (как «концепция» — более-менее полным описанием «замысла» исследовательского проекта).

Далее, термин «теория» используется двояко. В узком плане — как характеристика обобщенного знания о системе закономерностей, объективных законах какой-то сферы науки («теория публицистики»); в широком — как итог интеллектуальной деятельности, система концептуальных утверждений, обобщений, научных положений и взглядов, разрабатываемых исследователями любого предмета (история журналистики, социология журналистики и т.д.). Здесь также речь не идет ни об идеальных объектах, ни о модели реальности исследуемой области, ни о прогностическом или эвристическом потенциале теорий. Узкая трактовка говорит об описании свойств какой-либо сферы творчества, в частности публицистики, и итог закономерен: «До сих пор не произошло сближения (а полное единство невозможно) взглядов на публицистику. Каждый из авторов десятка вышедших книг придерживается «своих» взглядов» [6, 182]. Широкая — об общем представлении о журналистике исследователей из других (смежных) областей науки (историков, социологов). Итог тот же: невозможно понять журналистику через методологическую призму других наук.

В-третьих, понятийно под «теорией» понимают два ее вида: «идеальная» и «конкретная». Первая есть «система знаний о внутренних законах изучаемого предмета, «освобожденная» от специфических форм проявления в конкретных обстоятельствах под действием «нарушающих» факторов». Вторая понимается как «система «превращенных» теоретических знаний на основе утверждения всякого рода «кажимостей» в изучаемой сфере, неадекватно отражающих необходимости и/или выработанных под действием разного рода «побочных» факторов, социально-политической конъюнктуры, догматизированной позиции исследователя или просто его ошибочных обобщений» [6, 164].

Совершенно очевидно, что во втором случае речь идет о прикладном и эмпирическом уровне исследований, с их искажениями, перекосами и ошибками. Последние и должны исправляться на уровне теории. И первое — «идеальное» — ее определение прекрасно, но... вместо положенного усложнения и перехода к выделению «идеального объекта», в монографии декларируется обратное действие: «Теоретико-журналистские построения поэтому носят характер «идеальной модели», которая, конечно, неизбежно создается с помощью абстракции упрощения» [6, 164], а «главным образом с помощью индуктивных обобщений» [6, 165]. Но мы помним, что «идеализация» предмета не может быть выполнена на основе эмпирических обобщений, и уж тем более — «абстракции упрощения».

Все разъясняется при описании финальной стадии «теоретико-журналистского» исследования: «На выводных следствиях — оценочных суждениях, предсказаниях, рекомендациях — собственно исследу-

довательский проект (программа) считается завершенным» [6, 169]. При этом «заключительный «ход» рекомендательной интерпретации состоит в сравнении изученной «проблемной ситуации» в журналистике с выдвинутой исследователем «идеальной моделью ситуации». А все находки, сделанные в ходе изучения предмета с целью решения проблемы, как раз и есть совокупность (лучше — система) необходимых и возможных при данном состоянии предмета и, дополнительно, на перспективу тех и таких «поправок и дополнений», которые будут способствовать оптимизации ситуации» [6, 169].

Иными словами: исследователь-теоретик выбирает в действительности «проблемную ситуацию» (содержащую прикладную проблему), затем исследует ее (получая «конкретную теорию»), затем сравнивает «проблемную» с «идеальной моделью ситуации» (сформулированной на основе изучения «литературы вопроса») и таким образом пытается получить «идеальную теорию»: очищенное от эмпирических «кажимостей» и «нарушающих факторов» описание ситуации. Цель: получение результатов, способствующих «оптимизации» действий журналистов в аналогичных случаях.

Проблема данного «метода» очевидна. Общая рекомендация научной методологии предлагает идти по пути «проблемная ситуация» — «формулирование идеального объекта и основанной на нем модели исследуемой реальности (которая объяснила бы все проблемные ситуации данного класса)» — «применение (проверка) на практике». То есть происходит «восхождение» мысли, обогащение ее пониманием «идеального объекта» и возврат с разъяснением проблемы: эмпирия — теория (идеализация) — практика.

Теоретико-журналистские исследования идут другим путем: обосновывается прикладная проблема и/или проблемная ситуация, затем происходит формулирование (извлечение) из «литературы вопроса» (основанной на таких же эмпирических исследованиях) так называемой «идеальной ситуации», далее следует сравнение «идеальной» с реальной ситуацией, а на выходе получают соответствующие «практические рекомендации и предсказания». То есть «вершина» исследования (получение идеального объекта) «срезается», исследователь, как в эссе, берет предмет «чередою его граней», движется «вокруг» проблемы: эмпирия — литература вопроса — рекомендации.

Становятся видны еще два подводных камня, о которые разбивается подобная методология медиаисследований.

Первый — терминологическая размытость. Даже рассмотренных трех уровней методологической матрицы достаточно, чтобы точно «распределить» применение слова «теория»: на уровне прикладных исследований — терминологически (например, как гипотеза или концепт), на уровне эмпирических —

понятно (идеальная, конкретная, рабочая и т.д.), а на частно-теоретическом — уже категориально (конкретная форма организации знания) в рамках конкретной научной дисциплины («учение» в философии, «экспериментальное знание» в социологии, «теорема» в математике, «постулаты» в физике, «доктрина» в идеологии и т.д.).

Второй, который можно назвать «дурным кругом» (или «лентой Мебиуса»), — это как раз та самая эмпирическая направленность исследований, однако разрешаемая не через теоретические построения, а через массив «литературы вопроса», накопленный, в свою очередь, на основе таких же эмпирико-прикладных наработок.

Доказательством кризиса медиаисследований может служить факт все возрастающего числа методологических «подходов» к теории журналистики: от системо-синергетики до герменевтики [10]. Последний пример характерен: автор, выбрав для исследований прекрасную тему — герменевтику, совершает вынужденную (но типичную) ошибку, расширяя действие «эмпирического метода» (способа трактовки текстов) на «общий метод» (способ самодвижения) журналистики (метатеорию). То есть подменяет идеальную сущность («способ самодвижения» — противоречие, которым «движется», то есть существует, объект) прикладным умственным действием — дешифровкой, пусть даже и «социального», текста. Противоречие, которым «движется» (существует) журналистика, — разрыв между центробежными силами социума и центростремительной (интегрирующей) функцией журналистики. Отсюда ее «душа» (Гегель) как «оперативная массовая общественная рефлексия» [11], и ее определение как «социальный институт, генеральной функцией которого является устранение избыточных мнений и формирование единого мировоззрения общества» [5].

Обобщая можно заключить, что с точки зрения общей методологии на частно-теоретическом уровне идет оперирование методами конкретных наук («дисциплинарными методами»): социологии, политологии, истории или филологии, психологии и других. Создание теории, даже достаточно «компактной», требует от исследователя использования не одного, а, как правило, нескольких методов. Набор (палитра) этих методов, обусловленный целями и задачами исследования, можно назвать научно-методологическим (либо «дисциплинарным») подходом. Соответственно, используя слово «методология» в данном контексте, нужно помнить, что речь идет о «частной методологии» конкретной науки: «сборке» под конкретное исследование определенной конфигурации частных методов и приемов, в рамках теоретического — системного, дискурсивного или иного — подхода.

Пример типичных частно-теоретических подходов: формальный, аксиологический, генетический,

гипотетико-дедуктивный, структурно-функциональный, методологический, системный, понятийно-категориальный, диалектический, триалектический, функциональный и т.д.

4. ПАРАДИГМАЛЬНЫЙ УРОВЕНЬ

Как видим, даже беглый анализ показывает, что проводимые на первых трех уровнях методологической матрицы исследования хотя и дают массу интересных результатов практического порядка, мощно развивая теорию журналистики вширь, но при этом практически не развивают теорию «вверх» и «вглубь». Потребовалось обратиться к более высокому — междисциплинарному (метатеоретическому) уровню общей методологии, с «высоты» которого виделось вполне возможным навести в науке о журналистике порядок на уровне частных (дисциплинарных) теорий.

Мы дали ему название «парадигмальный», исходя из классического понимания парадигмы (понятия, введенного в науку Т. Куном) как «общепринятой в конкретном научном сообществе фундаментальной теории в определенной области знания» [8, 496]. Парадигмы, согласно Т. Куну, играют решающую роль в процессе научного познания в отдельной науке (в нашем случае — о журналистике): от выбора идеалов научных исследований и формулировки проблем («головоломки») до их положительного разрешения в русле принятых научным сообществом консенсусов относительно важнейших «аксиом» и «символов веры». Отсюда стало понятно, что решение проблемы теории журналистики лежит в плоскости осознания, а затем и создания общей, или «мета» теории журналистики [12].

В отличие от «теории» (идеализированной модели тех или иных элементов социальной реальности), метатеория представляет собой более высокий (масштабный) уровень организации знаний, поскольку является гностической структурой, обобщающей результаты прикладных, феноменологических концепций и частно-дисциплинарных теорий до определенной «картины мира» (для журналистики — традиционно — «событийной» или «панорамы событий», однако учитывая степень влияния на общество процесса «медиазации», идеи «событийности» видятся как минимум спорными, мелкими).

Кроме обобщения результатов, метатеория решает и другие насущные задачи: обеспечивает связь между теорией и практикой (реальными потребностями общества и «познавательными интересами» науки); через анализ и обобщение конкретных практик выявляет новые структурные элементы предмета исследования (например, компьютерно-сетевые игры как существенный механизм формирования общественного мнения); формирует унифицированную структуру описательного языка своей науки (систему терминов, понятий и категорий, клю-

чевых идеалов, консенсусов и норм исследований); разрабатывает типизации и классификации; задает «научную повестку дня» (указывает на проблемные зоны и/или перспективные направления исследований); устанавливает степень соответствия и/или несоответствия знаний, методов и теорий реалиям окружающего мира.

Иначе говоря, метатеории занимают промежуточное положение между научными теориями (более низкий уровень) и философскими основаниями науки (более высокий уровень). Причины их формирования несколько: «возвышение» какой-либо теории до фундаментальной, до «всеобщего» статуса (механика Ньютона, семиотика); теоретическая конкретизация некоторых философских утверждений (антропный принцип как основа философско-антропологической парадигмы); выявление общих фундаментальных концептов научного знания (теория, система, модель, синергия); синтезированные картины мира (картина мира античной науки или современная постнеклассическая картина мира). Понимание и применение этого механизма открывает множество возможностей для построения общей теории журналистики.

В рамках метатеоретического подхода получила развитие и предложенная в свое время автором экзистенциальная теория журналистики (ЭТЖ). Сразу стало очевидным, что ответить на вопрос «Что есть журналистика?» может только мета- или общая теория, тогда как частные ее подсистемы (теория журналистики, теория публицистики, теория беллетристики и теория эссеистики) располагаются этажом ниже и не могут претендовать на статус парадигм. К примеру: если признать, что концептуальная категория «журналистика» раскрывается на метатеоретическом уровне и сфера ее действия — социальная коммуникация (а идеальный объект — общественное мнение), а сущность категории «публицистика» раскрывается уровнем ниже и сфера ее действия — коммуникация массовая (а идеальный объект — социальная проблема), то разом снимается почти что двухсотлетний спор о взаимоотношении двух данных категориальных понятий.

Подводя итог, следует отметить, что метатеоретический уровень научного знания подразумевает анализ и рефлексию содержания, структуры и оснований общей теории, философскую ее интерпретацию, а также выявление ее общекультурно-мировоззренческой (антропологической) значимости и исторического потенциала.

5. МИРОВОЗЗРЕНЧЕСКИЙ УРОВЕНЬ

Описание метатеоретического уровня не решило проблему общей методологии исследования журналистики и формирования индивидуальной научно-методологической парадигмы конкретного ее исследователя: дискуссии 2012–2020 гг. показали

зачастую абсолютно иррациональное неприятие диспутантами тех или иных концепций журналистики и/или методологических подходов к ней. Возник вопрос о «философских основаниях» общей теории журналистики (и ЭТЖ в том числе).

Анализ научных парадигм показал, что сами по себе они не являются достаточным основанием (или источником) индивидуальной научно-исследовательской методологии, являясь чаще всего подознавательным мировоззренческим маркером, отражающим, скорее, общий характер «идеала исследователя» (теоретик/практик, «технар»/гуманитарий, «классик»/постмодернист и т.д.), соответствующую комплементарность в научной среде (школа: «московская», «питерская»; наука: социология, политология, история и т.д.), признание конкретных персон научными лидерами и авторитетами (вплоть до гендерных предпочтений), а в итоге формирующим социально-методологический репертуар субъекта.

Следовательно, необходимо было описание еще одного, более масштабного уровня структуры научного знания. Традиционно в последнем выделяются три уровня знания: эмпирический, теоретический и метатеоретический. Однако оказалось, что «метатеоретическое знание» в науке имеет тройную структуру: научных теорий, парадигмального знания и философских оснований науки. Сопоставив очевидно совпадающие первые два уровня с нашей методологической матрицей, мы обратились к понятию «философских оснований науки» — «множеству онтологических, гносеологических, методологических, логических и аксиологических понятий и утверждений философии, которые используются учеными при создании или обосновании какой-либо научной теории, исследовательской программы, научного направления или даже науки в целом» [8, 148].

Поскольку философия является лишь одним из видов мировоззрения, стало понятным, что в качестве философских оснований той или иной теории или парадигмы могут быть выделены онтологические основания и других видов мировоззрения — мифологического, религиозного, художественно-эстетического, обыденного или трансгуманистического (техногенного). Это открытие существенно прояснило причины частой априорной приверженности исследователей к тем или иным выразительным, когнитивным и коммуникативным методологическим формам и возможностям.

Выявление мировоззренческого уровня в поле научной методологии позволило ввести в философию анализа оснований той или иной исследовательской парадигмы ряд ценностных отношений и измерений, подробное рассмотрение которых позволяет открыть причины приверженности исследователя тому или иному комплексу научно-методологических норм, постулатов и парадигм.

Однако нерешенным остался другой вопрос, неожиданно проявившийся в ходе исследования мировоззренческих оснований научных парадигм: а откуда возникают (и на чем основаны) сами мировоззрения и порождаемые ими парадигмы — естественно-научные, гуманитарные, техногенные, религиозные, художественные, философские?

б. Так возникло осознание наличия еще одного, высшего, уровня научной методологии (и обобщения знания) — **концептуального** (уровня абсолютов, ценностей и идеалов).

Данный уровень научно-методологической парадигмы исследователя практически никогда не подвергается анализу, поскольку, выражаясь метафорически, является сакральным, подсознательным и исключительно редко рефлекслируемым самим исследователем. Но одно дело — индивидуальная рефлексия ученого, которая является личным делом каждого, и совершенно другое — философский анализ оснований его теории с точки зрения мета-теории и ее задач.

Абсолют — категория, обозначающая «тип такой реальности, которая в способе своего существования ничем не определена извне, ни от чего не зависит, кроме самой себя (самодетерминируемая, в пределах чисто рефлексивная сущность)». С другой стороны, Абсолют часто мыслится как реальность, определяющая собой существование всех остальных видов бытия» [8, 167]. Например, в философии Абсолютом в свое время выступали «мир объективных идей» Платона, «атомы и пустота» Демокрита, «Абсолютная идея» Гегеля, «монада» Лейбница и т.д., а в религиозных системах роль Абсолюта принадлежит «Творцу», хотя мировоззренчески они могут быть основаны на различных абсолютных ценностях: западные религии веры (иудаизм, христианство, ислам) — на безусловном принятии догматов (Вера, Любовь, Послушание), а восточные религии опыта — на экспериментальном постижении собственной сущности (Познание, Упражнение, Труд).

Таким образом, абсолюты, порождая базисные, абсолютные ценности, часто существенно влияют и на научные построения ученых: очевидна, например, склонность европейцев к спекулятивным философским системам и аксиоматическим основаниям своих теорий (Шеллинг, Гегель, Кант, Маркс). Но главным образом Абсолюты задают систему ценностных координат, «аксиологическую почву», из которой потом будут формироваться тематические и методологические ростки научного знания.

Ценности, определяющие то или иное мировоззрение и всю низлежащую «инфраструктуру» научной методологии конкретного исследователя или теории, представляют собой «базисные универсальные цели и идеалы как человеческой деятельности в целом (Истина, Добро, Красота, Справедливость, Польза и др.), так и ее различных видов (ценности

науки, экономики, морали, политики, искусства, права и т.д.). Ценности — основа духовности человека и общества, регулятор их истинной жизни» [8, 272]. Ценности формируют «ценностный мир» — множество целей и идеалов человека и человечества: Благо, Истина, Добро, Красота, Любовь и других, как на уровне фундаментальных (всеобщих) констант, так и на так называемом «партикулярном» (изменчивом, социальном, культурно-историческом «материальном») уровне. Считается, что этот мир духовности (формирующий сущность человека, его природу) прекрасен и идеален. Однако ценности могут быть и отрицательными: Выгода (антиПольза), Эксплуатация (антиДобро), Эгоизм (антиИстина), разрушение (антиКрасота), гедонизм (антиЛюбовь) и другие.

Достаточно обратиться к популярной концепции геополитики. Ее исходное положение — наличие цивилизаций «моря» и «суши». Их идеалы, соответственно: Торговля (то есть «извлечение прибыли») и Производство (то есть «созидательный труд»). Логична и цель «торговой» цивилизации: блокировать и контролировать «сушу», извлекая Выгоду. На уровне мировоззрения это проявляется как расистские, ксенофобские и националистические теории, а на уровне социальной организации (формы цивилизации) как «капиталистический способ хозяйствования». Соответственно, на уровне научных парадигм эти ценности реализуются как разновидности социал-дарвинистских теорий, либерально-монетаристских экономических моделей и агрессивных военных доктрин. Далее, на уровне конкретных теорий и практик (в частности, журналистских), данные целевые установки внедряются в массовое сознание с помощью частных методов (окна Овертона; манипуляция сознанием; повестка дня; срочность и сенсационность; ток-шоу и множество других) на основе двойных стандартов, а зачастую основываясь и на прямом обмане общественности (пробирка с веществом).

Именно поэтому анализ глубинных концептов научных теорий (особенно фундаментальных) имеет такое большое значение: все новое приходит через «отрицание», преодоление, «снятие» старого, отжившего. И особенно актуальным такое преобразование и «восстание из пепла» видится для теории журналистики и знания о ней.

ВЫВОДЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Категория «научно-методологическое поле» (или в рабочем варианте «матрица методов»), по нашему мнению, вносит существенный вклад в методологию медиаисследований, развивая данную платформу в направлении большей четкости и структурированности по простым и ясным критериям. Теперь любой исследователь может конструировать методологию своего исследования учитывая (либо от-

метая — но уже сознательно) не только его актуальность и проблемно-тематическую направленность, но и влияние на свою деятельность и конечный результат (мысли, цели и императивы) всего научно-методологического континуума.

Для теории журналистики рассмотренная нами категория научно-методологического поля представляет широкую панораму состояния науки о журналистике, указывая на пробелы и ошибки в ее построении.

Представляется также, что улучшение научно-методологической и теоретической составляющей принесет и практическую пользу нашей сфере деятельности — как образовательную и прикладную, так и академическую.

В качестве «terra incognita» можно указать на дальнейшую разработку данной категории как иерархически (возможно, на метатеоретическом уровне стоит выделить два подуровня: парадигмальный и общетеоретический), так и системно — в плане ее расширения по уровням и наполнения конкретными методами, методологиями и теориями.

Кроме того, в данную познавательную матрицу пока никак не вписан эссеизм как перспективный эвристический способ философствования.

Но главное, для чего она создавалась, — послужить определенным алгоритмом (блок-схемой), шаблоном для разработки теоретиками журналистики программы и методологии своего исследования.

ЛИТЕРАТУРА

1. Дмитриевский А. Л. Исследование в журналистике: учебно-методическое пособие / А. Л. Дмитриевский. — Орел: Каргуш, 2012. — 66 с.
2. Дмитриевский А. Л. Методика медиаисследования: учебно-методическое пособие / А. Л. Дмитриевский. — Орел: Каргуш, 2018. — 160 с.
3. Дмитриевский А. Л. Экзистенциальная теория журналистики: попытка метатеории / А. Л. Дмитриевский // Знак: проблемное поле медиаобразования. — 2012. — № 2 (10). — С. 61–81.
4. Дмитриевский А. Л. Экзистенциальная теория журналистики: к сущности концепции. Методологические разъяснения и схемы / А. Л. Дмитриевский // Знак: проблемное поле медиаобразования. — 2013. — № 1 (11). — С. 74–81.
5. Дмитриевский А. Л. Экзистенциальная теория журналистики: на пути к метатеории / А. Л. Дмитриевский // Вестник Челябинского государственного университета. Серия: Филология, Искусствоведение. — 2015. — № 5 (360). — С. 15–20.
6. Прохоров Е. П. Исследуя журналистику / Е. П. Прохоров. — М.: РИП-Холдинг, 2005. — 202 с.
7. Тертычный А. А. Эмпирическое познание в журналистике: методы, методология, методика / А. А. Тертычный // Научные Ведомости БелГУ. Серия Гуманитарные науки. — 2015. — № 18 (215). — Выпуск 27. — С. 51–56.
8. Лебедев С. А. Философия науки: краткая энцикло-

педия (основные направления, концепции, категории). Научное издание / С. А. Лебедев.— М.: Академический проект, 2008.— 692 с.

9. Боуш Г. Д. Методология научного исследования (в кандидатских и докторских диссертациях): учебник / Г. Д. Боуш, В. И. Разумов.— М.: ИНФРА-М, 2020.— 227 с.

10. Варакин В. С. Герменевтическая рефлексия как «общий метод» журналистики / В. С. Варакин // Вестник

Северного (Арктического) федерального университета.— 2007.— № 2.— С. 48–53.

11. Муминов Ф. А. Метод журналистики и методы деятельности журналистов / Ф. А. Муминов.— Ташкент: Университет, 1998.— 57 с.

12. Дмитриевский А. Л. Объект и предмет общей теории журналистики / А. Л. Дмитриевский // Современный дискурс-анализ.— 2018.— № 3–1 (20).— С. 16–22.

Орловский государственный университет им. И. С. Тургенева

*Дмитриевский А. Л., кандидат филологических наук, доцент кафедры журналистики и связей с общественностью
E-mail: dmitrovskiyal@ya.ru*

*Orel State University named after I. S. Turgenev
Dmitrovsky A. L., Candidate of Philology, Associate Professor
of the of Journalism and Public Relations Department
E-mail: dmitrovskiyal@ya.ru*